

Н.Н. Врангель

Старые усадьбы
Очерки русского искусства и быта

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Н. Врангель**
Старые усадьбы: Очерки русского искусства и быта / Н.Н. Врангель – М.: Книга по Требованию, 2023. – 182 с.

ISBN 978-5-458-09939-4

«Старые усадьбы. Очерки русского искусства и быта» - это строенный номер журнала «Старые годы» за 1910 год. « В этой повести о прошлом какая-то особенная, может быть, только нам одним, русским, понятная своеобразная прелесть; прелесть грубого лубка, чудо простонародной русской речи... Все – на фоне античных храмов с колоннами... Или где-нибудь в Саратовской или Симбирской губернии девки-арапки с восточными опахалами на фоне снежных сугробов. Что может быть нелепее и забавнее, печальнее и умнее? Русское самодурство, главный двигатель нашей культуры и главный тормоз ее, выразилось как нельзя ярче в быте помещичьей России». (Николай Николаевич Врангель) Санкт-Петербург : Тип. "Сириус", 1910.

ISBN 978-5-458-09939-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

своего времени. А эта картина быта уже свидѣтельствуесть о томъ какъ живо и жизненно запечатлѣвали художники въ своихъ созданіяхъ свои робкія мечты.

Въ этой массѣ «средняго уровня», въ безконечномъ количествѣ любопытныхъ и дорогихъ намъ, но все же заурядныхъ въ смыслѣ художественномъ помѣщичьихъ усадьбахъ, встрѣчаются иногда и созданія высокаго мастерства. Понятно, это рѣдкость. Только крупные помѣщики времени Екатерины, а главнымъ образомъ ея фавориты могли создать волшебныя сказки изъ своихъ имѣній, не только не уступающихъ, но даже превосходящихъ грандіозными затѣями то, что было сдѣлано въ эту же эпоху на Западѣ. Русскіе люди всегда были самодурами, а въ искусствѣ самодурство не разъ помогало имъ. Но по странной на смѣшкѣ судьбы созданное столь быстро, распалось еще быстрѣе.

Фантастическіе дворцы Потемкина, имѣнія князя Зубова, дворецъ Завадовскаго, подмосковное Ноево Дмитріева - Мамонова, дворцы Елисаветинскихъ любимцевъ Разумовскихъ — все погибло.

Раззорены и обвѣтшали торжественныя дома съ античными портиками, рухнули храмы въ садахъ, а сами «Вишневые сады» повыврублены. Сожжены, сгнили, разбиты, растерзаны, раскрадены и распроданы безчисленныя богатства фаворитовъ русскихъ Императрицъ: картины и бронза, мебель и фарфоръ, и тысячи другихъ великолѣпій. По странной игрѣ судьбы любимцы Государынь не оставили мужского потомства, дошедшаго до насъ. Вспомните Шувалова, Румянцова, Разумовскихъ, Потемкина, Зорича, князя Зубова, Александра Ланского, Мамонова, Завадовскаго. А для нихъ строили дворцы Ринальди и де ла Моттъ, Менелась и Кваренги; имъ дарились лучшіе портреты Государынь, присылались лучшіе художники и служили сотни тысячъ крѣпостныхъ. Даже въ фаворитизмѣ у насъ не сохранилось традицій.

Но не одна судьба зло подшучивала надъ Россіей. Русскіе люди дѣлали все возможное, чтобы исковеркать, уничтожить и затереть слѣды старой культуры. Съ преступной небрежностью, съ нарочитой лѣзвю и съ усерднымъ вандализмомъ нѣсколько поколѣній свело на нѣтъ все, что создали ихъ праотцы.

Вѣдь культурнымъ было русское дворянство отъ Екатерины Великой и до освобожденія крестьянъ, берегло и любило красоту жизни. А потомки надругались надъ тѣмъ немногимъ, о чемъ могли бы говорить съ гордостью и, Богъ вѣсть, придетъ ли день, когда снова объ этомъ вспомнить?

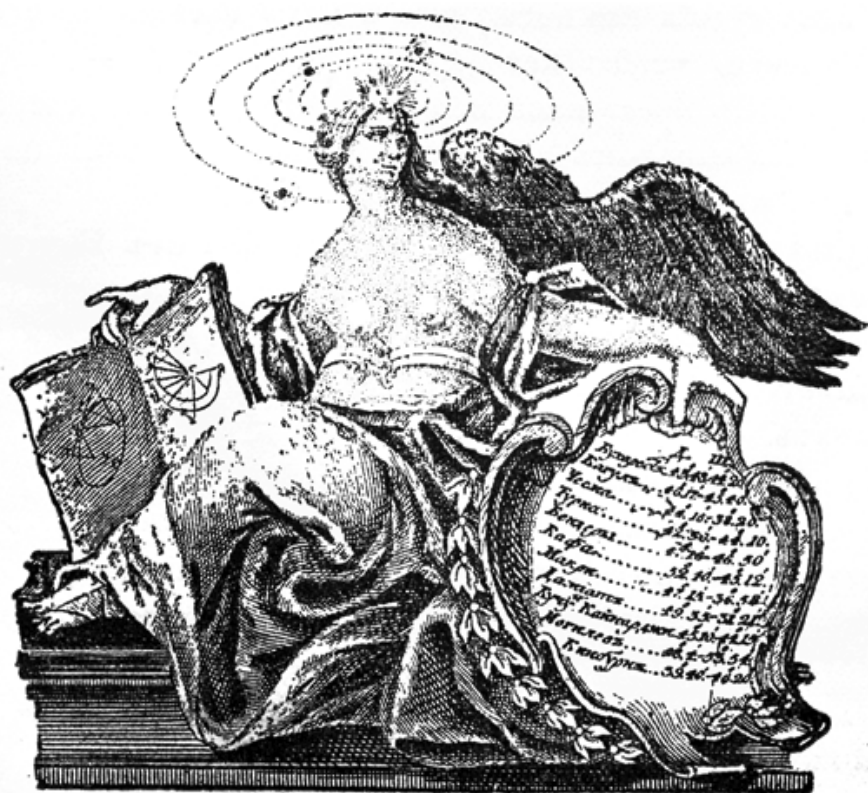
Всюду въ Россіи, въ южныхъ губерніяхъ, на сѣверѣ и въ центрѣ можно наблюдать тотъ же развалъ стараго, развалъ не только денежный, но развалъ культурный, невниманіе и нелюбовь къ тому, что должно украшать жизнь. Тогда какъ въ Европѣ изъ рода въ родъ много столѣтій переходять и хранятся имѣнія и сокровища предковъ, въ Россіи наперечетъ нѣсколько помѣстій, находящихся двѣсти лѣтъ въ одной семьѣ. И нѣтъ ни одного примѣра дошедшей до насъ цѣликомъ сохранившейся помѣщичьей усадьбы XVII вѣка. Только въ Покровскомъ княгини Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой часть дворца еще до-реформенной Руси. Даже отъ Петра, отъ Анны Іоанновны, даже отъ Елиса-

веты дошли до насъ жалкіе остатки, нѣтъ нѣбніа, цѣликомъ сохранившагося съ тѣхъ временъ.

Отъ Екатерины лучшее также погнбло и только эпоха Александра I еще ярко и жизненно глядитъ изъ усадебъ дворянскихъ гнвздъ. Но и тутъ Грузино Аракчсва, полу-развалившсся, обкраденное, запущенное, съ призракомъ убитой Настаси и образомъ «обезьяны въ муцирѣ», засѣкающей крестьянъ...

Такъ, быть можетъ, ничего и не осталось отъ волшебныхъ чудачествъ крѣпостной Россіи, быть можетъ, не стоитъ и говорить о томъ, что у насъ есть?

Нѣтъ, еще стѣитъ. Еще можно спасти дорогіе ослатки старины, сохранить и уберечь отъ окончательной гибели красивыя воспоминанія, плеснѣющія въ грязныхъ деревняхъ, въ провинціальной глуши отдаленныхъ губерній. Еще стѣитъ подумать прежде чѣмъ рушить дома, прежде чѣмъ продавать скупщикамъ картины и предметы убранства. Въ Россіи еще есть старое искусство, пока цѣлы Дубровицы, Кузьминки, Архангельское, Останкино, Кусково, Петровское, Марьино, Ольгово, Бѣлая Колпь, Быково, Покровское-Стрѣшнсно, Полотняный Заводъ, Очкино, Диканька, Суханово, Андреевское, Воронцовка, Ивановское, Братцево, Никольское-Гагарино и Никольское-Урюпино, Большія Вяземы, Дугино, Яготинъ, Каченовка, Корсунъ, Гомель, Отрада, Бѣлая Церковь...

УСАДЬБЫ И ИХЪ ОБИТАТЕЛИ.

При словѣ «усадьба» намъ обыкновенно рисуется бѣлоколонный домъ екатерининскаго или александровскаго времени, тѣнистый садъ, «храмы любви» и «дружбы», мебель корельской березы или краснаго дерева. Благодаря тому, что все, сохранившееся до насъ, рѣдко насчитываетъ болѣе 100—150 лѣтъ, такое представленіе объ русской усадьбѣ совершенно понятно. Но вѣдь и до Екатерины и даже въ до-реформенной Руси была помѣщичья жизнь, были деревенскіе дома, обитаемыя князьями и боярами.

На основаніи отрывочныхъ свѣдѣній писцовыхъ книгъ и любопытныхъ описаній заѣзжихъ иностранцевъ, можно въ общихъ чертахъ нарисовать себѣ типъ средняго помѣщика и дворянской усадьбы въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Тѣ представленія о пышности и роскоши «боярской жизни», которыя держатся у большинства, рѣшительно ни на чемъ не основаны.

Земельная Россія въ до-реформенное время была по отношенію къ Западной Европѣ вродѣ того, что теперь Полинезія для Россіи. И всѣ путешественники, пріѣзжавшіе въ Московію, описываютъ ее именно какъ диковинную варварскую страну. «Когда наблюдаешь русскихъ въ отношеніи ихъ душевныхъ качествъ, нравовъ и образа жизни», пишетъ Олеарій: «то ихъ, безъ сомнѣнія, не можешь не причислить къ варварамъ». ¹

Естественно, какъ и у всѣхъ варваровъ, русскій бытъ дѣлился на двѣ части: роскошную и прихотливую пышность наиболѣе знатныхъ вельможъ-горожанъ и грязную и почти убогую, скудную жизнь средняго дворянина.

Въ подмосковныхъ дворцахъ Романовыхъ дарило великолѣпіе. Въ Измайловѣ былъ чудесный дворецъ, «регулярный садъ» съ разными затѣями; еще прихотливѣе былъ

Россійскій Виллеемъ,
Коломенско село,

Которое на свѣтъ Петра произвело.

Не даромъ Симеонъ Полодкій называлъ эти имѣнія царей Московскихъ «восьмымъ чудомъ свѣта, Соломоновою прекрасною палатою». Но безконечно далеки отъ такой роскоши были дворянскія усадьбы.

«Помѣщики XVI вѣка, время Грознаго, жили бѣдно и неприхотливо. Богатѣйшія дѣти боярскія выслуживались до придворныхъ чиновъ, попадали въ списки московскихъ дворянъ, жильцовъ и т. д. Менѣе счастливые, все бѣднѣя, опускались до владѣнія 20—10 десятинами, скоро исчезли въ толпѣ вольныхъ людей, казаковъ и однодворцевъ». ²

Если богатому землевладѣльцу и удавалось выстроить болѣе роскошныя палаты, то почти всегда черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ погибали отъ огня. Страшные пожары уничтожали до тла деревянныя постройки, а въ старину дома, даже у очень богатыхъ людей, строились изъ дерева. Флетчеръ, посѣтившій Россію въ 1588 г., ужасается опустошеніямъ, которыя огонь каждый годъ производитъ въ Россіи. «Пожары тамъ случаются очень часто», пишетъ онъ: ³ «и бываютъ очень страшны по причинѣ сухости

и смолы, заключающейся въ деревѣ, которое, разъ загорѣвшись, пылаетъ подобно факелу, такъ что трудно бываетъ потушить огонь, пока все не сгоритъ».

Вслѣдствіе этихъ причинъ, а главнымъ образомъ отсутствія потребностей къ роскоши и удобствамъ русскіе люди въ XVI и XVII в. жили очень просто и даже грязно. Объ убранствѣ домовъ Оlearій говоритъ: ⁴ «Мало видать оловянной и еще меньше серебряной посуды — развѣ чарки для водки и меда. Не привыкли они также прилагать много труда къ чисткѣ и полировкѣ посуды. Даже великокняжескіе серебряные и оловянные сосуды, изъ которыхъ угощали пословъ, были черные и противные на видъ, точно кружки у нѣкоторыхъ дѣшневыхъ хозяекъ, невымыты въ годъ или болѣе того».

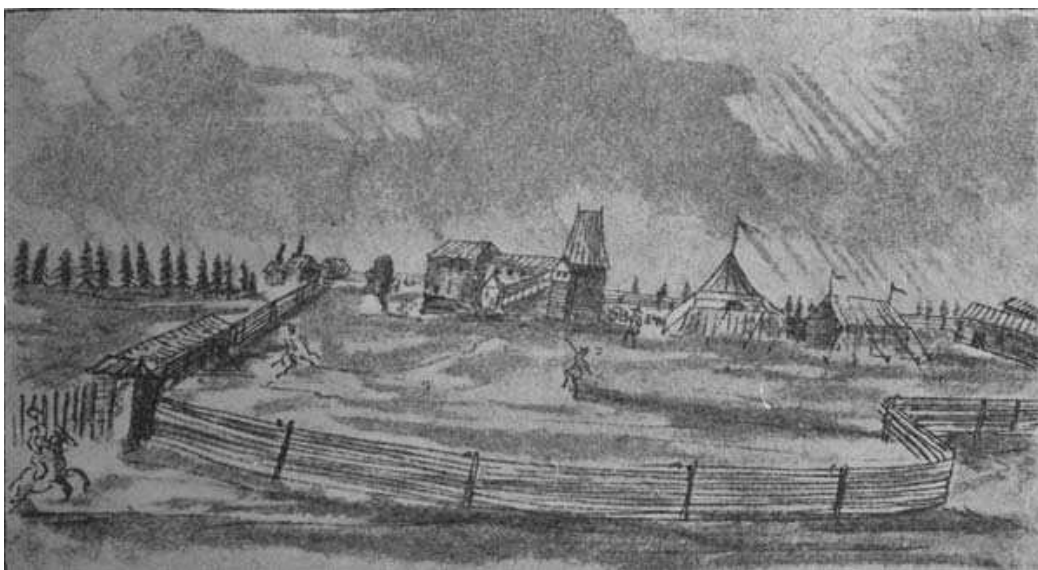
Болотовъ въ своихъ любопытныхъ «Запискахъ» рассказываетъ жизнь своихъ предковъ въ царствованіе Михаила Федоровича. ⁵ На одномъ помѣщичьемъ дворѣ, въ клѣткахъ и избахъ, жили семьи двухъ женатыхъ братьевъ. На деревнѣ у нихъ было всего на всего два крестьянскихъ двора — одинъ пустой, а въ другомъ крестьянинъ съ двумя племянниками, — да въ двухъ меньшихъ дворахъ сидѣло по одному бобылю. На всю помѣщичью семью приходилось пять взрослыхъ работниковъ и воплѣ естественно, что помѣщики жили чуть ли не впроголодь, работали въ полѣ, наравнѣ со своими крестьянами.

Такъ было въ варварской Россіи XVII вѣка, послѣ эпохи Возрожденія въ Италіи и наканунѣ фееричнаго расцвѣта французскаго величія временъ Короля-Солнца!

Поразительная неурядица и отсутствіе порядка были всегда характерны для русской жизни. Въ XVII вѣкѣ, крестьяне, зачастую покидали помѣщиковъ, оставляя на произволъ судьбы все имѣніе и хозяйство. Даже богатые родовитые семьи разорялись благодаря этому и не могли совладать съ крестьянами. В. Б. Шереметевъ жаловался царю Алексѣю Михайловичу: ⁶ «Нѣкто недругъ мой внесъ въ люди на Москвѣ, что будто я, холопъ твой, въ непріятельскихъ нечестивыхъ рукахъ въ Крымѣ умеръ. И слыша то, холопы мои учинились непослушны сынишку моему въ домишку его объявилось отъ холопей воровство великое... И въ деревнишкахъ хлѣбъ мой они покрали и мужиченковъ разогнали, а иныхъ мужиченковъ моихъ роздали и распродали. Изъ Нижегородскихъ моихъ деревнишекъ человекъ мой, Войка Корсаковъ многихъ мужиченковъ роздалъ дѣтямъ боярскимъ безъ записки и безъ очныхъ ставокъ, для своей корысти поймалъ у нихъ многія деньги. И на остальныхъ мужиченковъ человекъ мой, Войка, правилъ деньги, рублевъ по сороку и по пятидесяти, невѣдомо по какимъ варварскимъ записямъ. Человекъ же мой Мишка Збоевъ... воровалъ наругался надъ крестьянами, впрягалъ въ сохи и на нихъ пахалъ, и отъ сохъ крестьяне помирали. И такова поруганья надъ крестьяны и въ нечестивой сторонѣ бусурманскаго закону и злова народу не бываетъ... Такъ жаловался Шереметевъ, одинъ изъ именитѣйшихъ помѣщиковъ! Что же тогда происходило у среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ? Они были всецѣло во власти грубой и безудержной толпы своихъ же рабовъ, которые, собираясь шайками, грабили помѣщиковъ.

«Въ августѣ мѣсяцѣ, когда убираютъ сѣно, изъ за этихъ работъ крайне опасны дороги по сую сторону Москвы миль на 20, — рассказываетъ Адамъ Олеарій въ 1636 г.,⁷ — здѣсь у бояръ имѣются ихъ сѣнокосы и они сюда высылаютъ эту свою дворню для работы. Въ этомъ мѣстѣ имѣется гора, откуда они могутъ издали видѣть путешественниковъ, тутъ многіе ими были ограблены и даже убиты и зарыты въ песокъ. Хотя и приносились жалобы на этихъ людей, но господа ихъ, едва доставляющіе имъ, чѣмъ покрыть тѣло, смотрѣли на эти дѣла сквозь пальцы».

Понятно, что пожары и разбои уничтожали помѣщичья дома: усадьбы сгорали черезъ каждые два три года, и гибла та незатѣйливая обстановка, которая составляла убранство сельскихъ домовъ. О вѣшнемъ видѣ этихъ

Воярская усадьба XVII вѣка.
(Изъ „Альбома Мейерберга“).

Maison de campagne d'un boyard russe au XVII siècle.
(Album de Meyerberg).

усадѣбъ мы можемъ судить по рисунку временъ Алексѣя Михайловича, находящемся въ извѣстномъ альбомѣ барона Мейерберга 1661—62 годовъ. Деревянный домъ съ покатыми крышами и узенькими окошками окруженъ простымъ деревяннымъ заборомъ. Во 2-ой этажъ ведетъ деревянная лѣсенка. Это средній типъ «voïagen Hoff»,⁸ зарисованный заѣзжимъ иностранцемъ.

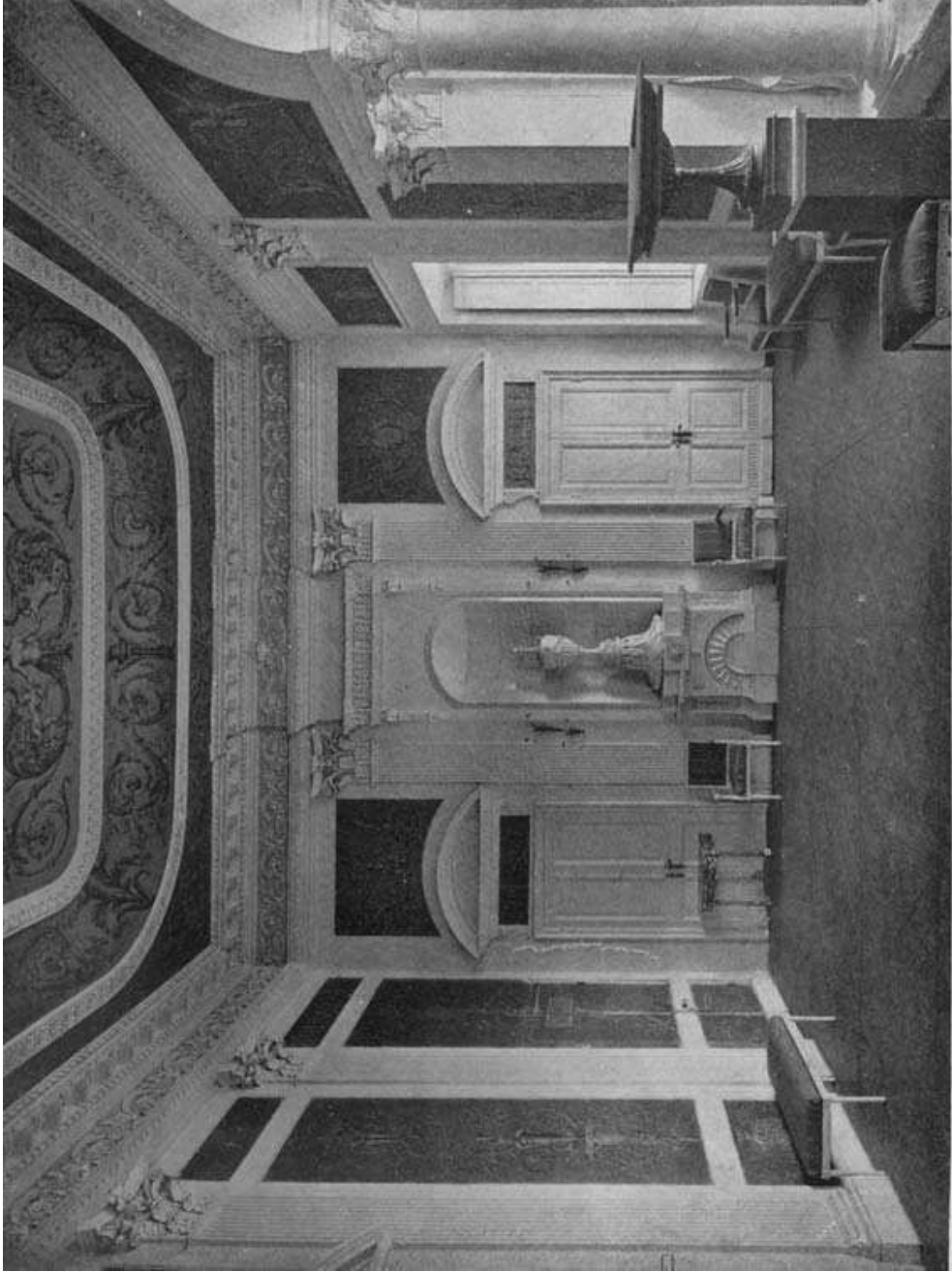
О внутреннемъ устройствѣ дворянской усадьбы въ послѣдніе годы XVII вѣка и объ ихъ бытѣ также встрѣчаются свѣдѣнія въ запискахъ иностранцевъ. Въ интереснѣйшемъ «Дневникѣ путешествія въ Московію» Юганна Корба находятся нѣкоторыя краткія указанія о помѣщичьихъ домахъ и жизни ихъ обитателей.

Недалеко отъ Можайска находилась въ 1698 г. усадьба. «Боярянь Ивановъ, — пишетъ Корбъ, — владѣетъ хорошо устроеннымъ помѣстьемъ; есть тамъ огородъ со многими грядами, насаженная роща съ тамъ и сямъ искусственно насыпанными горками. Довольно уютныя комнаты соблазнили насъ здѣсь пообѣдать».⁹

Въ дневникъ того же I. Корба отъ 28-го іюля 1698 года записано: ¹⁰
«Два дня тому назадъ Князь Голицынъ просилъ Господина Посла, чтобы тотъ не поставилъ себѣ въ трудъ посѣтить его помѣстье. По этой причинѣ и желая показать, что онъ высоко цѣнитъ расположеніе этого Князя, Господинъ Посолъ выѣхалъ туда на разсвѣтѣ. Помѣстье называется «Дубровицы» (Dobrowiza). Оно отстоитъ отъ столицы на 30 верстъ или шесть нѣмецкихъ миль. Мы добрались до мѣста ко времени обѣда. Самъ Князь, ожидалъ съ Господиномъ Архіепископомъ нашего пріѣзда, осматривалъ всѣ окрестности съ колокольни церкви, роскошно выстроенной на княжескій счетъ. Церковь имѣетъ видъ короны и украшена снаружи многими каменными изваяньями, какія выдѣлываютъ италянскіе художники. По окончаніи обѣда, приготовленнаго съ большою роскошью, мы предались пріятнымъ разговорамъ въ восхитительной бесѣдкѣ, выстроенной въ прелестнѣйшемъ саду. Бесѣда затянулась до вечера, когда вниманіе гостей привлечь къ себѣ приготовленный намъ тамъ усердіемъ слугъ ужинъ».

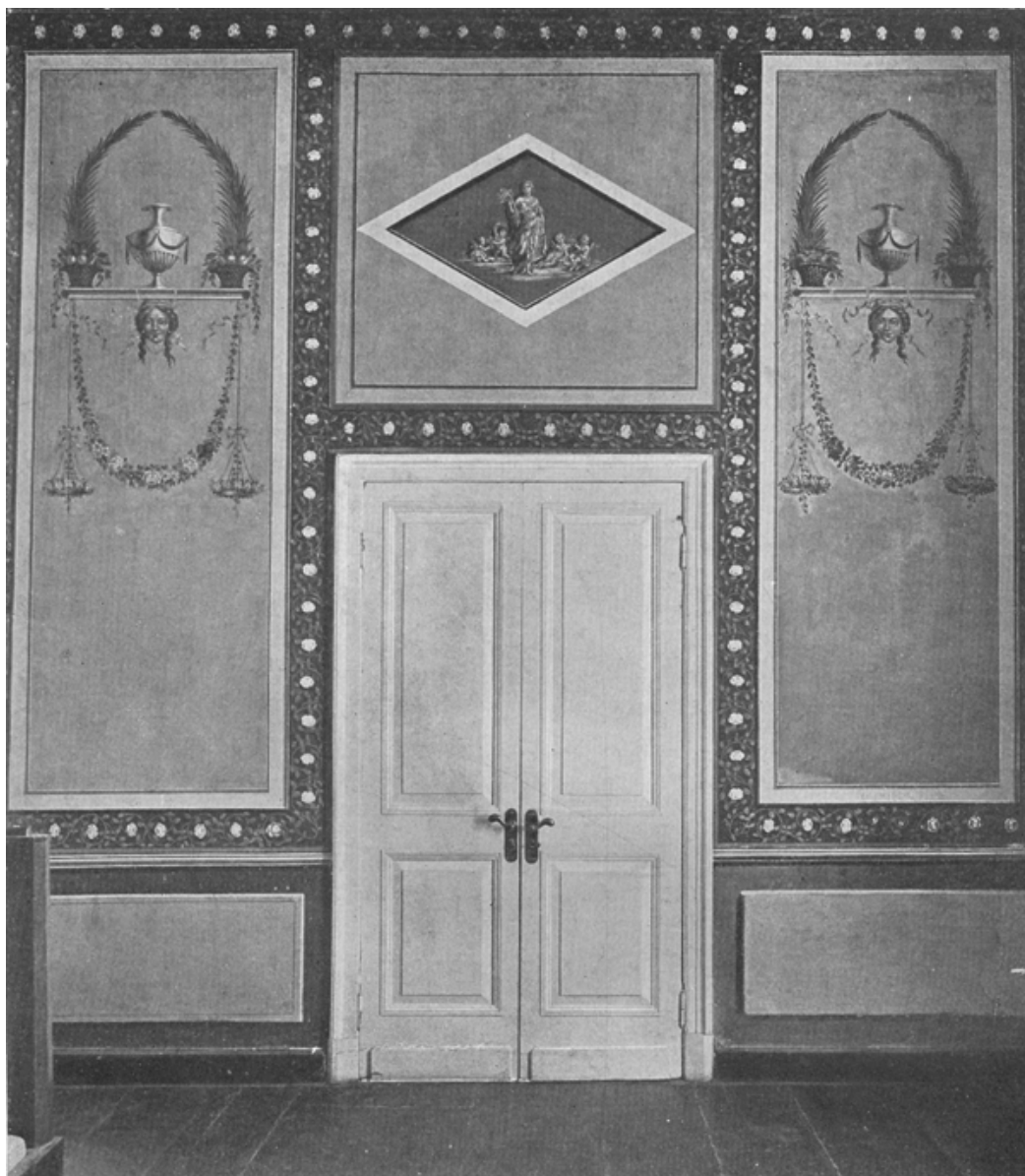
Это было уже при Петрѣ Великомъ, когда многіе бояре начали усваивать обычай и вкусы культурныхъ европейцевъ. Но все же и теперь, и еще долгіе годы, захолустная помѣщичья Россія жила по старымъ обычаямъ и въ обстановкѣ своихъ дѣдовъ. Можно смѣло сказать, что до царствованія Анны Иоанновны, т. е. до середины XVIII вѣка, русская глухая провинція и деревня почти не измѣнились съ конца XVII столѣтія, и сельскій бытъ средняго помѣщика былъ такимъ же, какъ въ до реформенной Руси.

По запискамъ Тимофея Болотова можно нарисовать себѣ въ общихъ чертахъ обстановку домовъ у помѣщиковъ средняго достатка. «Усадьба широко раскидывалась по обѣимъ сторонамъ деревенскаго прѣзда, по одну сторону барскій дворъ, по другую овины, сквирникъ, конопляникъ и пруды. Домъ стоялъ среди двора и отдѣлялъ чистую переднюю половину отъ задняго двора. Одноэтажный, безъ фундамента, онъ вмѣщалъ очень мало жилыхъ комнатъ; огромныя, по старинному, сѣни и кладовыя занимали большую часть его. Переднія и заднія сѣни отдѣляли три жилыхъ покоя отъ двухъ холодныхъ кладовыхъ; изъ переднихъ дверь вела въ переднюю же комнату, залъ; самая большая изъ всѣхъ, эта комната была холодная, безъ топки, и въ ней никогда не жили; ея тесовые стѣны и потолокъ почернѣли и закоптились отъ времени, что при маленькихъ оконечкахъ придавало комнатѣ мрачный видъ; вдоль темныхъ стѣнъ, по старинному, тянулись узкія деревянныя лавки, а у передняго угла стоялъ длинный стычной столъ, покрытый ковромъ». «Вторая угольная комната была главнымъ, почти единственнымъ жильемъ хозяевъ; въ ней было больше оконъ и свѣту, а огромная печь изъ разноцвѣтныхъ кафлей давала много тепла. Здѣсь опять сіяло много образовъ; древній кіотъ съ мощами и неугасимой лампадой занималъ передній уголъ. Нѣсколько стульевъ и почернѣвшій комодъ одни напоминали Европу. Здѣсь же стояла и кровать». «Третья меньшая комната имѣла много назначеній; она сообщалась съ задними сѣнями, и служила одновременно дѣвичьей, лакейской и дѣтской». Вотъ и все. А если такъ жили зажиточные помѣщики, то что же дѣлалось у болѣе мелкихъ? — Ихъ жизнь и обста-

Edouard Manet.

Le salon blanc.

Комната съ фресками.

Le salon aux fresques.

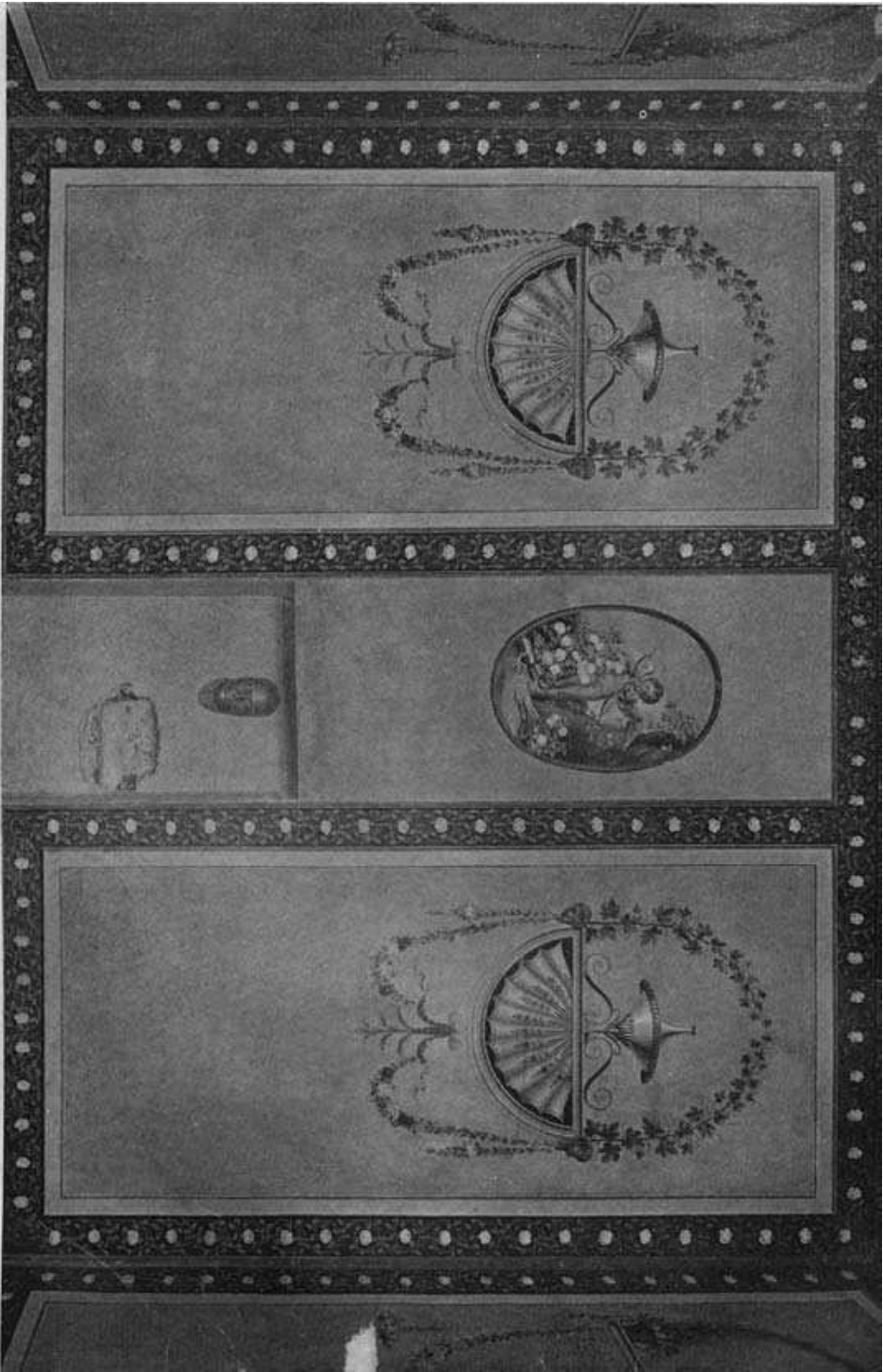
„Никольское“, подъ Москвою. Собств. кн. А. Н. Голицыной.
„Nicolskoïe“, près Moscou. App. à la princesse A. Galitzine.

Зеленая комната.

Le salon vert.

„Никольское“, подъ Москвою. Собств. кн. А. Н. Голицыной.
„Nicolsköfe“, près Moscou. App. à la princesse A. Galitzine.

Стена съ фресками.

•Хитовское*, южн. Мадридск. Соборъ, ит. А. Н. Топинковъ.

Le mur aux fresques.